

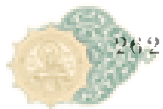

Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая¹⁾.

Изъ представленнаго краткаго обзора состоянія Кіевской науки и литературы въ XVII и XVIII вв. можно видѣть, что хотя разные эпохи ихъ развитія и имѣли нѣкоторыя отличительныя особенности, но одинаково отражали въ себѣ и мѣстную народную жизнь, хотя и въ различныхъ формахъ. Историческая жизнь юга Россіи была сильнѣе науки, и разные фазисы развитія этой жизни находили отраженіе себѣ даже и въ схоластической наукѣ. Не отдѣляя, поэтому, строго одну эпоху въ жизни Кіевской Академіи отъ другой, укажемъ важнѣйшіе моменты соприкосновенія Кіевской школьной литературы XVII и XVIII в.в. съ интересами малорусской народной жизни, слѣдуя, по возможности, хронологическому порядку появленія и развитія извѣстныхъ группъ литературныхъ памятниковъ, болѣе или менѣе запечатлѣнныхъ характеромъ народности. Въ этомъ отношеніи намъ представляется возможнымъ къ XVII вѣку отнести развитіе историко-эпическихъ произведеній, а къ XVIII-му процвѣтаніе лирики и драмы.

Интересно отмѣтить, что точкою отправленія для кіевскихъ и вообще юнорусскихъ ученыхъ XVIII вѣка при ихъ сближеніи съ народными интересами опять - таки послужили польскіе литературные образцы, которые придавали и ихъ собственнымъ трудамъ извѣстную польскую окраску, какъ это отчасти было и въ XVI столѣтіи. Здѣсь мы имѣемъ въ виду знаменитаго въ свое время польскаго духовнаго писателя, іезуита Петра Скаргу, который, борясь съ протестантскими сектантами, заразился ихъ примѣромъ давать духовную пищу польскому народу на его же родномъ языкѣ. Въ свое время Скарга славился какъ знаменитый

¹⁾ См. Труды Кіевск. Дух. Ак. май, 1909 г.

проповѣдникъ и составитель сборника „Житій святыхъ“. А его проповѣди и „Житія святыхъ“ (*Żywoty świętych*) имѣли громадное и продолжительное значеніе и для православной Юго-Западной Россіи. Подражанія его проповѣдямъ или даже примыя переложенія ихъ на южнорусскую книжную рѣчь встрѣчаются еще въ первой половинѣ XVII столѣтія¹⁾. Но для насъ важнѣе „Житія святыхъ“ Скарги. Написанныя изящнымъ по тому времени польскимъ языкомъ, они заключали въ себѣ житія восточныхъ святыхъ и притомъ составленныя по восточнымъ же источникамъ и особенно по Метафрасту, а потому обращали на себя вниманіе и православныхъ южно-руссковъ, долго не имѣвшихъ у себя полныхъ православныхъ Четь-Миней. Во второй половинѣ XVII вѣка Іоанникій Галатовскій перевелъ изъ Скарги на бѣлорусскій или южнорусскій книжный языкъ житія собственно восточныхъ или общепризнаваемыхъ Восточною и Западною церквами святыхъ, сдѣлавъ почти - что только южнорусскую транскрипцію польскаго текста. Вотъ примѣръ такого перевода: „мѣца септеврія 4 дня преподобнаго ѿтца нашего Симеона столпника; живо^т его выпи^са“ пре^з Теодорита епѣопа Киринейскаго, также и Метафраста: „Жыл около року Гдѣня 380“. Нач.: „Знаю^т вси добрѣ Симеона, мужа зацнаго, великое свѣта всего чудо, не то^тко тыи, которыи римскому панству подлеглы, але и Персеяне и Индияне“²⁾. Изъ перевода Іоанникія Галатовскаго, а можетъ быть и непосредственно изъ Скарги, помѣщены нѣкоторыя житія и въ православныя житійныя сборники XVII вѣка, съ прибавленіемъ мѣстныхъ редакцій житій русскихъ святыхъ, напр. о чудѣ св. Николая съ половиномъ, о св. Владимі-

¹⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 2. Москва, 1897 г., № 289, стр. 97.

²⁾ Рукопись бібліотеки Могилевской дух. семинаріи, по каталогу № А $\frac{2107}{18}$, по третьему счету.

рѣ, о святыхъ страсотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ, и др.¹⁾. Нѣкоторые изъ житій Скарги помѣщены также и въ двухъ южнорусскихъ сборникахъ житій второй половины XVII вѣка. Но особенность этихъ сборниковъ состоитъ въ томъ, что не только переводныя житія изъ Скарги, но и краткія проложныя житія прежней церковно-славянской редакціи переведены на тогдашній южнорусскій книжный языкъ²⁾.

Особенный же интересъ имѣетъ для насъ рукописный сборникъ житій и проповѣдей подъ такимъ заглавіемъ: „Наука христіанская, изъ Евангелія въкратцѣ зложоная въ каждую неделю и праздники Господскія и Богоматерныя, на увесь цѣлый рокъ, барзо простою мовою и діалектомъ, ижъ и напростѣйшему челоувѣкови snadно понятая, священникомъ Рѣшетилловскимъ, полку Полтавскаго, храма Успенія Пресв. Богородицы, Симеономъ Тимофѣевичемъ, 1670 году“. По всей вѣроятности, сборникъ священника С. Тимофѣевича по содержанію своему стоитъ въ зависимости отъ учительныхъ евангелій или Каллиста, или Транквилиона, или другихъ подобныхъ проповѣдническихъ сборниковъ; но онъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько извлеченій и изъ „Житій святыхъ“ II. Скарги. Главный же интересъ этого сборника заключается въ простонародной малорусской рѣчи, приспособленной къ пониманію простыхъ слушателей.

Въ „предмовѣ въ кнѣгу сію ласкавому читѣльнику“ о. Симеонъ Тимофѣевичъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „не разумѣй собѣ того читѣльнику мѣлый, ижъ бы таи учительная Евѣская кнѣга (простою барзо мовою) зложена для 'якой о себѣ гордѣнѣ албо высѣкоумія, 'яко бы понижаючи 'авторовъ стѣхъ прѣшлы^x, котѣры^x мы тепѣрешные (могу смѣле речи) бруховѣе бѣдло 'якъ нѣбо од земли да-

¹⁾ „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. XV, вып. 2. Кіевъ, 1901 г., отд. V, стр. 37.

²⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 3. Москва, 1904 г., №№ 278 и 279.

лёко, не тільки од добрых дѣлъ, але найпаче 'и од дарованій Дѣха Стго одстоймо, 'и залѣдво щò годнѣ 'и імєня.. въспомянѹти. Але для тóго самóго и корóткою мóвою нѣзбыт простою преложилося, 'и жбы въ церквѣ Бжой вшелякий 'и найпростѣйший челоуѣкъ мóгъ щокóлвекъ, ведлугъ доуципу своёго по (няти) ѥ въ Еуѣгеліи того дня чѣтано зрозумѣти и ко пожѣткѹ своёму дшєвному слóво Хво приулащ(ати) не одходячі поро́жне од до́му Бжого... Не для рѣторовъ, 'анѣ для фѣлосóфo", а не для астролóгoвъ 'анѣ для жадныхъ 'инѣшихъ завыхляныхъ лѣбóвъ Хс Снѣ Бжій во плoт' чѣлчую 'обóлксѹ... 'але всѣмъ спóлѣне вѣчный живóтъ дарованъ, вѣрующѣмъ во 'имѣя его... 'А поневажъ всѣхъ на зарóвно 'и еднáкóво Хс Гдѣ вѣрныхъ свои́хъ ласкою своёю 'и милосѣрдїємъ дарованъши удостойлъ, прѣто 'и слóво Бжїе, нау́ка Хва Спасителя на́шего, дшєвный покармѣ всѣмъ ... зъ выразумѣньємъ одкрьто простою мóвою повѣнѣтна быт' в церквѣ Бжой од пастыра 'и учѣтеля проповѣданъна, 'и жбы згóла и найподлѣйший въ рóзумѣ мóгъ зрозумѣти и пожѣтковѣти: бо ширóкая а узловѣтая мóва рѣдкій пожѣтoч' чѣлку приносѣт'. але прóстая и корóткая 'а до того зъ вырозумѣньємъ одкрьтая мóва в прѣдкоу часѣ всѣ обширныя арькгументы ѥ захвыляныя мóвы загóртуєтъ, ѥ двомѣ 'або тромѣ слóвы корóткими бѣрзо мнóго слóвъ мóжет' въ собѣ замкнути, 'якъ ся 'оужь на нѣкóторомъ мѣстѣцу слóво апла Пѣвла рекло лѣпшей, мовѣтъ, пѣт' слóвъ в церквѣ проповѣсти зъ вырозумѣньємъ и пожѣткoмъ 'инѣшихъ, а нѣжели тѣмѹ слóвъ безъ выразумѣнїя 'и пожѣткѹ 'инѣшихъ. 'А же те'а на спѣцїяхъ глѣвъ 'и нѣкóторыхъ зачѣлъ не положѣлося, а тó мѣло щò потребно; поневажъ жадной герезїи ѥ найменшой тѣтъ не мѣєшь. 'Анѣ 'авторовъ чужїихъ не вкѣдано у вытлумаченю, ѥ 'овше' и', 'яко нецотрѣбныхъ баснотворцовъ, одлучано 'и 'омїяно. Бо кгдажъ зъ жадными геретиками рѣдко дасѣ Бóгъ буде' сварѣтїся, чогò ѥ не прѣгне', 'але прѣгне' 'и Ха Ба усѣрдно

проси^ч "о соединеніе вѣры Х^вы, и вѣчную жизнь получи^{ти}, со всѣми стѣми угодившими Господевѣ. Амѣнь" ¹⁾.

Не смотря однако на благія намѣренія о. Симеона Тимофѣевича, на его любовь къ простому малорусскому народу, на его стремленіе приблизить слово Божіе къ пониманію народному и бесѣдовать съ церковной каеодры съ простымъ народомъ на его же собственномъ языкѣ,—его „барзо простая мова“ обилуетъ значительными полонизмами и не можетъ быть названа чисто народною малорусскою рѣчью. О. Симеонъ Тимофѣевичъ несомѣнно былъ человекъ образованный, по всей вѣроятности получившій образованіе въ Кіево-Могилянскоѣ Коллегіи, и подступать къ народу сверху внизъ, искусственно поддѣлывался подъ его рѣчь, но не владѣя ею въ совершенствѣ, и придерживаясь только ея фонетики.

Болѣе сближается юнорусская книжная рѣчь съ простонародною малорусскою въ народныхъ южнорусскихъ думахъ или историческихъ пѣсняхъ, относящихся къ эпохѣ со времени войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками.

Если предшествовавшія Богдану Хмельницкому казачкія возстанія имѣли сословный характеръ реестрового казачества; то возстаніе Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ, начавшись съ сословнаго, вскорѣ получило характеръ общественнаго народнаго украинскаго движенія, къ которому волей-неволей должны были примкнуть и всѣ остальные свои малорусскаго населенія. Поэтому и подвиги Богдана Хмельницкаго и его ближайшихъ сотрудниковъ и преемниковъ становятся предметомъ литературы какъ школьной, такъ и простонародной, и направляютъ обѣ эти отрасли малорусской литературы по одному общему руслу.

1) Тамъ же, № 180, стр. 57—8; см. „Чтенія въ историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. XV, вып. 2. Кіевъ, 1901 г., отд. V, стр. 35.

Со времени войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками стали появляться и малорусскія лѣтописи, какъ напр. Самовидца, Сафоновича (которую нужно отличать отъ Синописа Гизеля), Густынскаго, Величка и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Кіевская школьная муза не могла не откликаться на болѣе важныя событія изъ этой эпохи, такъ какъ и подъ студенческимъ кунтушемъ нерѣдко билось горячее казацкое сердце, которое побуждало студентовъ принимать дѣятельное участіе въ народныхъ войнахъ за отчизну и служить ей не только мечемъ, но и перомъ. Подъ взаимодѣйственнымъ вліяніемъ школы и народнаго духа и возникли малорусскія народныя думы или историческія пѣсни этой эпохи.

Что малорусскія народныя думы составлялись не безъ участія школяровъ, объ этомъ свидѣлствуютъ старѣйшія записи ихъ, относящіяся иногда къ самой эпохѣ Богдана Хмельницкаго и его ближайшихъ преемниковъ и отличающіяся болѣе или менѣе школьнымъ складомъ и характеромъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ такихъ записей, болѣею частію открытыхъ профессоромъ В. Н. Перетцомъ.

Къ старѣйшимъ записямъ казацкихъ думъ относится „Дума козацка о Берестечкомъ звыченствѣ 1661, 31 іюля“, записанная вскорѣ послѣ ея составленія. Приводимъ начало ея въ русской транскрипціи съ польской записи:

О рѣко Стырю, що Хмилъ за виру,
Скажи ты всему міру,
Гды въ Днѣпръ впадаешъ, оповѣдаешъ
Радость з вуйны, чи з миру?
Ханъ наступае и помагае
Козакомъ ляховъ бити
Подъ Берестечкомъ, малымъ мѣстечкомъ,
Мѣжь оныхъ кровь пролити.
На перевози, чили дорози,

Береги подромити

Ляцкими паны да и гетманы
Татаромъ заплатити.
Ханъ згodu радилъ да не порадилъ,
Козаки вуйну любеть.
Ой Казиміру, южъ тоби миру
З козаками не будетъ.
Въ тымъ хутнесенько Хмилъ ранешенько
Ку королю приближаетъ.
Была погода, да воевода
Русскій знать вуйску дае.
То есть о Хани, и о гетмани
Королю ознаймяеть.
А ляхъ не дбаеть, не втикаеть,
Къ вуйни се приближаетъ.
Середа пришла, вся орда вышла
Ханъ и Хмилъ з козаками.
Ой не Зборово, вуйна то нова.
Не якъ подъ Пилявцами:
Не втекаетъ, кровь проливаетъ,
И на татаръ не дбають:
Въ крови татарскей и бисурманскей
Острый мечъ свой купаютъ, и проч.

Далѣе въ думѣ упоминаются главные участники въ этомъ сраженіи и кратко описываются важнѣйшіе его моменты, что обличаетъ съ авторѣ думы одного изъ участниковъ сраженія. А между тѣмъ эта дума опредѣленнымъ количествомъ слоговъ и прямою указываетъ на книжное, школьное происхожденіе ея. Поэтому П. И. Житецкій небезосновательно говоритъ, что авторомъ этой думы о пораженіи подъ Берестечкомъ могъ быть кто нибудь изъ учениковъ Кіево-Могилянскаго Коллегіума, принимавшій участіе въ битвѣ ¹⁾.

---

¹⁾ „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. И. Перетца, т. I, ч. 1. С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 94—99. См. варианты въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, 1901 г., кн. 2, стр. 84—86.

Такого же характера и другая дума о Желтоводской битвѣ 1648 года, начинающаяся словами:

Высыпался Хмиль з миха,
Наробилъ ляхомъ лиха,
Показилъ имъ розумы,
Вывернулъ дитче души, и проч. ¹⁾,

Къ гетманству Ивана Выговскаго нѣкоторые относятъ „Плачь Малой Россіи о ляхолюбцахъ“, сохранившійся въ записяхъ 1718—9 г., какъ предметъ школьныхъ переложений съ русскаго на латинскій языкъ. Этотъ „Плачь“ написанъ совершенно правильными школьными силлабами. Въ немъ говорится:

О Боже мой милостивый!
Воззри на плачь мой ревнивый!
Гдѣ бѣдница есть такая,
Якъ я Россія малая?
Вся маткою называютъ,
А не вси за матку мають:
Другій хочеть загубити,
Въ позци воды утопити.
Бо чи треба лучшей муки,
Якъ подати ляхомъ въ руки?
Давно они гострятъ зубы,
Давно моей ищутъ згубы.
А вы дѣти якъ чужіи,
Садите ихъ мни на шіи.
Охъ, якъ скоро вси згубили,
Що и видѣли и чули,—
Якъ подъ тими ворогами
Стогнала я тяжко з вами,
Стогнала я ни отрады
Не мѣючи, ни порады,
Коли жиды проклятии
Держали церкви святии
И отъ святой креста бани
Вытягали у насъ дани.

¹⁾ Тамъ же, стр. 103 и слѣд.

Священниковъ забивано,
Кровь Господню проливано.
И то добре частовали,
Якъ и сами описали.
Нищо вольно зъ насъ нікому
Не было, кромь жоны въ дому.
И тоє бы уже стало,
Щобъ имя наше пропало,
Если бь Богданъ мужъ избранный
Не быть отъ Бога намъ данний.
Той тожъ племя проклятое
Зкинуль зъ мене ярмо злое
И за мудрымъ самъ совѣтомъ
Поставилъ подъ крѣпкимъ щитомъ,
Подъ рукою царей славныхъ,
Самодержцовъ православныхъ.
А вы, дѣтки, охъ утѣха!
Прошлаго схотѣли лиха!
Еще я криль не простерла,
Еще и слезъ не утерла;
А вамъ дѣтки жалъ то стало,
Що я отдохнуа мало.
Охъ мнѣ бѣда! дѣтей лаю,
Не знать, що зъ жалю гадаю.
Ой, не сыны вы, не дѣти:
Хощуть мене загубити.
Ляхолюбци, лихолубци,—
Тїи моц, тїи згубци!
Якъ саранча налетѣла,
Домы й церкви посквернила.
Куда пойдешъ, лиховъ хвалить,
Вѣрныхъ только що не палить;
Прости уши набивають,
Лихомъ, ядомъ заражають;
Безъ хвалъ ляцкихъ а ни слова,
Бѣдять чи пьють—о нихъ мова, и проч. ¹⁾.

¹⁾ См. его въ „Описаніи рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Киевѣ“, Н. Петрова, вын. I. Москва, 1891 г., № 252,

Покойный М. А. Максимовичъ относитъ этотъ „Плачь“ къ тому тяжелому времени Малороссійской жизни, какое настало по смерти Богдана Хмельницкаго, въ гетманство Ивана Выговскаго, именно къ 1658 году. Напоминаніе „Плача“ о томъ безотрадномъ положеніи, въ какомъ находился православный малорусскій народъ передъ гетманствомъ Богдана Хмельницкаго, обращено именно къ тѣмъ лютолюбцамъ, которые сами видѣли это бѣдственное положеніе малорусскаго народа передъ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго на поляковъ¹⁾.

Въ одномъ польскомъ сборникѣ, составленномъ около 1713 года, записано еще нѣсколько казацкихъ думъ со слѣдами школьнаго происхожденія, по своему содержанію относящихся ко второй половинѣ XVII вѣка, къ эпохѣ „рупны“. Такова дума о разореніи Украины крымскими татарами:

„Ахъ Украиненко, бѣдна годиненко теперь твоя:
Згнули козаки, добріи юнаки, ахъ кровь моя!
Гдѣ жъ вы Дорошенки, гдѣ вы Хмѣльниченки, вы
Иваны?

Смѣлые сотники, битные десятники и вы гетманы?
Гдѣ жъ у поля дикіе, гдѣсь въ нелюдзкая смерть загнала,
А вѣсти нашего нещастя горького не дала.
Були ся татарскому народу дикому страхъ бывъ козакъ,
Ахъ, теперь страхъ новый нашому людови крымскій
сайдакъ, и проч.

Другая дума той же эпохи гласитъ такъ:

„Ой на горі жени жнуть,
Да доломъ, доломъ да долиною козаки идутъ.
Межи ними три гетманы,
Што ведутъ войско запорозке долинами.

стр. 283. Издавъ, съ искаженіями редакціи, въ 18 № „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей“ за 1865 г. и въ болѣе исправномъ видѣ въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, іюнь, 1872 г., стр. 532.

¹⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. III. Кіевъ, 1880 г., стр. 732 и 736.

Одинъ гетманъ Дорошенко,
Што ведетъ войско запорііске хорошенько;
Другій гетманъ Сагайдачникъ,
Што сгубивъ триста козаковъ, злый необачникъ;
Третій гетманъ Дрогозденко,
Што ведетъ войско Московске борозденко“,
и проч. ¹⁾.

Но эти и подобныя думы школьнаго происхожденія, попавъ въ народное употребленіе, потеряли изъ памяти черты современности въ языкѣ и измѣнили первоначальный свой складъ и строй. Главными причинами такого измѣненія, кромѣ ошибокъ и забвенія подробностей, были: 1, стремленіе пѣвцовъ округлить каждую отдѣльную мысль думы заключеніемъ ея въ отдѣльный стихъ, и 2, тонизація школьныхъ силлабическихъ виршъ, не имѣвшихъ въ дѣйствительности тонического размѣра.

Въ школьныхъ силлабическихъ виршахъ весьма часто мысль не заканчивалась отдѣльнымъ стихомъ, а переходила въ другой стихъ, какъ напр. въ „Плачъ Малой Россіи о ляхолюбцахъ“. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такими стихами:

Нищо вольно зъ насъ никому
Не было, кромъ жоны въ дому.

Или:

Ты мене загубити.
Мыслять: не вы мои дѣти!

Такое перенесеніе мыслей изъ одного стиха въ другой составляло даже особую красоту школьнаго силлабическаго стиха и рекомендовалось школьными пѣтиками XVII и XVIII вѣковъ. Между достоинствами стиха полагалось, если мысль не заканчивалась однимъ стихомъ, но преры-

---

¹⁾ „Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, 1901 г., кн. 2, стр. 73—75, 82 и 83.

валась имъ, и не иначе оканчивалась, какъ только послѣ четвертаго, седьмого и восьмого стиха ¹⁾. Но простой народъ не любилъ такого перенесенія мыслей изъ одного стиха въ другой и каждую мысль старался выразить округленно въ особомъ стихѣ, вслѣдствіе чего стихи эти въ устахъ народа получали чрезвычайное разнообразіе въ количествѣ слоговъ, отъ 8 до 26 слоговъ въ стихѣ. Мы видѣли, что „Плачъ Малой Россіи о лихолюбцахъ“ говорить и о тѣхъ временахъ,—

Коли жида проклятыи
Держали церкви святыи
И отъ святой креста бани
Вытигали у насъ дани,—

и говорить восьмисложными виршами. Въ народной же „думѣ о жидовскихъ откулахъ“, хотя и встрѣчается иногда 8—сложный стихъ, но зато есть здѣсь стихи 26—сложные, съ риемою въ двустишіяхъ:

Ище жъ то жида—рандари
У тому не перестали:
На славній Україні всі козацкі церкви заорандовали.
Которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ
дитину появили,
То найди до попа благословитьця,
Та пійди до жида—рандара, да положи шостаць,
щобъ позволивъ церкву отчинити,
Тую дитину охристити.
Ище жъ то которому бъ то козаку альбо мужику
давъ Богъ дитину одружити,
То найди до попа благословитьця,
Да пойти до жида—рандара да положи битый
талиръ, щобъ позволивъ церкву отчинити,
Тую дитину одружити ²⁾).

¹⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Киевской Академіи“..., Н. Петрова, въ „Трудахъ Киевской Дух. Академіи“, іюль, 1866 г., стр. 420.

²⁾ „Труды Киевской Дух. Академіи“, іюль, 1872 г. стр. 535—6.

Во вторыхъ, силлабическія школьныя думы, переходя въ уста народа, подвергались тоническому размѣру чисто народныхъ пѣсенъ и соотвѣстному измѣненію въ самомъ текстѣ. Намъ неизвѣстно въ точности древнее народное тоническое стихотвореніе какъ южно-русское, такъ и сѣверно-русское ¹⁾. Но въ общихъ чертахъ оно опредѣлялось напѣвомъ или речитативомъ, на который нанизывались ритмическія слова или тоническія стопы. Да и эти послѣднія часто нарушались прибавками междометій, повтореніями, вставками новыхъ словъ и т. п., для поддержанія пѣсеннаго склада, особенно въ тягучихъ или размашистыхъ народныхъ пѣсняхъ, какъ наприм., въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ: *ой да, то, ли, ахъ, эхъ, ужъ, какъ* и т. п. Подобное замѣчается и въ малорусскихъ народныхъ думахъ, какъ напр., въ приведенномъ отрывкѣ изъ „думы о жидовскихъ откупахъ“. Здѣсь можно считать прибавочными частицы: *то, бѣ, да, та* и др.

Во всякомъ случаѣ, малорусскія народныя думы даже въ позднѣйшихъ своихъ редакціяхъ и записяхъ еще носятъ на себѣ слѣды воздѣйствія на нихъ школьныхъ силлабическихъ виршей, хотя, въ свою очередь, и подчинили эти послѣднія своему тоническому складу. „Народный стихъ не только сообщаетъ силлабическому нѣкоторую правильность удареній, но и въ свою очередь заимствуетъ у него равносложность, рѣзку и основные типы стиха, наиболѣе

---

¹⁾ Древнѣйшимъ славянскимъ стихосложеніемъ считаютъ десятисложный стихъ съ двумя удареніями. См. „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, П. И. Житецкаго, Кіевъ, 1876 г., стр. 289. Намъ кажется, что его можно подвести подъ нормы нынѣшняго тоническаго стихосложенія и признать основнымъ древнѣйшимъ размѣромъ двойной амфибрахій, т. е. стопу изъ пяти слоговъ, съ удареніемъ на среднемъ слогѣ, какъ напр., въ великорусской пѣснѣ:

Ужъ какъ пѣль туманъ || на сырѣ землю,
А злодѣй тоска || въ ретивѣ сердце.

употребительные у авторов силлабических стихотворений“. По мѣнію П. И. Житецкаго, малорусскія думы „представляютъ оригинальный плодъ народно-культурнаго творчества“, народный по міровоззрѣнію и языку и книжный „по особенному складу мысли, по способамъ ея развитія и выраженія“ ¹⁾. Подъ вліяніемъ „языка думъ установился украинскій говоръ, который, сравнительно съ другими малорусскими говорами, не представляетъ отклоненій даже въ средней стадіи малорусскаго нарѣчія. Это—вполнѣ цѣльный и строго выдержанный говоръ съ весьма незначительными звуковыми колебаніями и разнорѣчіями“ ²⁾.

Къ концу XVII вѣка замираетъ творчество малорусскихъ народныхъ думъ. Въ XVIII столѣтіи только Палій съ Мазепою—послѣ Полтавской побѣды, да Желѣзнякъ послѣ Коліївщины (1768 г.) отзывались слабо въ малорусскихъ думахъ ³⁾. Позднѣйшимъ отзвукомъ ихъ служатъ пѣсни послѣдняго кошеваго Запорожскаго Калынаша или Кальнишевскаго о Чайкѣ:

Ой, біда, біда чайці небозі,

Що вивіла дітей при дорозі, и проч.

Но и эта пѣсня есть не что иное, какъ передѣлка одной чумацкой пѣсни или поддѣлка подъ нее ⁴⁾.

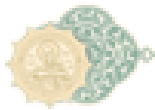
Съ окончаніемъ казачьихъ войнъ за освобожденіе Малороссіи отъ польскаго ига, Кіевъ и лѣвобережная Украина оказались подъ властію единовѣрнаго Московскаго государ-

¹⁾ „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Пететца, т. III. С.-Петербургъ, 1902 г., стр. 424 и 15.

²⁾ „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, П. И. Житецкаго, Кіевъ, 1876 г., стр. 291.

³⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. II. Кіевъ, 1877 г., стр. 460.

⁴⁾ „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, Н. Петрова. Кіевъ, 1880 г., стр. 21.

ства, а правобережная Украина, кромѣ Кіева съ небольшимъ округомъ, совершенно подавлена была Польшею, и во всякомъ случаѣ закрыто было поле для военныхъ подвиговъ казаковъ за родину. Но духовная жизнь Малороссіи все-таки не замерла, и если не отражалась болѣе въ народныхъ казацкихъ думахъ, то избрала для своего выраженія другіе пути, болѣе соотвѣтствовавшіе ей тогдашнему политическому положенію. Въ это время образованные малороссы углубляются въ свое чувство и даютъ особое развитіе лирической поэзіи, а въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ или воспоминаютъ свое славное прошлое, или прославляютъ русскихъ царей, болѣе или менѣе благоволившихъ къ малорусскому народу, или же въ комическихъ интерлюдіяхъ изображаютъ внутреннія взаимоотношенія различныхъ слоевъ малорусскаго населенія. Эти виды поэтическихъ произведеній, т. е. лирика и драма, и получаютъ теперь особое развитіе и оживленіе, чему не мало содѣйствовало возрожденіе классицизма на малорусской почвѣ съ начала XVIII вѣка, или со времени Теофана Прокоповича.

По школьнымъ поэтическимъ правиламъ, лирика раздѣлялась на гимны въ честь Бога и святыхъ его, элегіи печальнаго содержанія и характера и привѣтственные оды на разныя событія личной, семейной и общественной жизни. Всѣ эти виды лирики имѣли въ XVII вѣкѣ преобладающій религіозный или вообще духовный характеръ, но съ начала XVIII вѣка элегія съ любовною пѣснею и ода получаютъ мало по малу, подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ, и свѣтскій характеръ ¹⁾.

Школьные гимны въ честь Бога и святыхъ его появились и развивались въ Кіевской Академіи не безъ вліянія

¹⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“, П. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“, январь, 1867 г., стр. 83 и сл.

польско-католическихъ образцовъ. Такъ, напримѣръ, въ „Комедіи на Рождество Христово“, приписываемой св. Димитрію Ростовскому, помѣщенъ одинъ гимнъ или кантъ, начинающійся такимъ образомъ:

Ангелъ пастырямъ вѣстия:
Христосъ ся вамъ днесъ родинъ
Въ Виолеомѣ, градѣ Давидовомъ,
Въ колѣнѣ Іудовомъ
Отъ дѣвы Маріи.

Но этотъ кантъ представляетъ изъ себя, по крайней мѣрѣ въ начальныхъ своихъ строфахъ, буквальный переводъ одной польской рождественской „пѣсни набожной“¹⁾. Съ теченіемъ времени являются и болѣе или менѣе самостоятельные гимны Кіевскихъ ученыхъ на разные церковные праздники, напр. на Рождество Христово и Пасху, на Покровъ Богородицы, „О иконѣ чудотворной Ильинской Черниговской“, и др.²⁾ Такимъ образомъ накопился въ послѣдствіи времени большой запасъ духовныхъ кантовъ или псалмъ, распѣвавшихся на югѣ Россіи „старцами“, т. е. нищими, а на сѣверѣ Россіи „калѣками переходжими“. Этотъ запасъ отчасти собранъ и въ уніатскомъ Почаевскомъ „Богогласникѣ“ 1825 года, не пренебрегавшемъ и православными авторами, и въ обширномъ изданіи Безсонова „Калѣки переходжіе“.

Близко граничить съ гимномъ другой видъ лирической поэзіи элегія, которая первоначально служила въ Кіевской Академіи формою для изліянія скорбнаго религіознаго чувства. Таковы элегіи о страданіяхъ Спасителя, всемірномъ потопѣ, смерти, послѣднемъ судѣ и т. п.³⁾. Но съ

---

1) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I. С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 169—175.

2) „О словесныхъ наукахъ и литер. занятіяхъ“..., Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, январь, 1867 г., стр. 87.

3) Тамъ же, стр. 94 и слѣд.

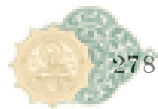

конца XVII вѣка школьныя элегіи, не теряя своего религіознаго тона, стали примѣняться и къ малорусской просто-народной жизни. Отчаявшись въ успѣхѣхъ борьбы за свое существованіе и родину, малороссы естественно обратились къ Богу, плодомъ чего былъ цѣлый рядъ малорусскихъ элегій школьнаго происхожденія, полу-религіозныхъ, полу-военныхъ, и даже соціально-общественныхъ крестьянскихъ. Старѣйшія извѣстныя доселѣ записи такихъ элегій относятся къ 1713-му году. Въ одной изъ этихъ элегій говорится:

Ой, коли бъ знали
И коли бъ вѣдали,
Якъ у пекли лиха доля
Тотчасъ пошли бы мы
Гдѣ до монастыра
За грѣхи Бога прохати.
Всіогды въ пекли бути,
Всіогды съ бисомъ жити —
О проклятая доля!
Воливъ бы не знати
Батька а ни мати,
Нижъ въ пеклѣхъ пробывати.
Бо коли дорога
До неба у Бога
Святого намъ завинеть,
Всяя наша справа
И казацка слава
Змѣнится на погибель

Элегія заканчивается такими словами:

Ей братья казаки,
Славныи юнаки!
Коли часъ поправьмося.
Мати Украина
Козацкого сына
На славу породила.
Не гнѣмы ж якъ мухи
И дурни и плюхи,
Мѣрно будемъ служити.

Другая пѣсня, повидимому крестьянская, говоритъ:

Бывало лиха много на свѣти,
Студено въ зимѣ, гарачо въ лѣти.
Гольта усюгды гроши не маеть,
А панамъ що день пакъ прибываецъ..
А што жъ дѣлати з лихомъ негожимъ?
Мусимъ терпѣти, коли не зможемъ.
Глянемъ,—на однимъ сорочки пусто,
На другомъ свиты шовковой густо;
Одинъ и хлѣба крошки не маеть,
Другій пероги прочъ одкидаецъ.
О такъ на свити всюгды церпити;
Гараздъ не гараздъ што жъ з тымъ радити?

Остается еднственнымъ утѣшеніемъ надежда на будущее:

Чомъ ся ты молодойче журишь,
Чомъ собѣ головоньку трудишь?
Ой, покинь, покинь тужити,
Почиемо Бога ся молити.
Бѣсъ бѣду лихую збуде,
Што жъ буде, то десеть на буде..
Ту правда, каждого впка
Безъ смутку нема чловика.
Не всюгды зима бывае,
По ночи дзень наступае.
Не всюгды пѣруны біють,
И вѣтры зимные віють;
На весну клѣнь заквитае,
Хочъ въ осень листь опадае..
Хочъ нива пашни не родить,
Хочъ осмакъ з мошины виходить,—
Не то панъ што гроши маеть,
Але то, што Бога знаецъ.
Богъ долю беретъ и даецъ,
Богъ людзіомъ все удѣляецъ,
Часто быва, што рано плаче,
А въ вечоръ весѣло скаче.

Ой, покинь, покинь тужити,
Зачнемо Господа хвалити! ¹⁾

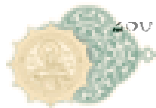
Съ начала XVIII вѣка стала появляться въ записяхъ и чисто свѣтская малорусская пѣсня школьнаго происхожденія. Ближайшею причиною этого мы считаемъ обращеніе Кіевскихъ ученыхъ къ образцамъ классической лирики. *Θ. Прокоповичъ* описалъ бѣгство *Алексѣя* челоуѣка *Божія* съ брачнаго пира тѣми же стихами, какими *Овидій* описалъ свою ссылку въ первой книгѣ *Tristium, eleg. 3*. Онъ же переложилъ 7-ю элегію *Овидія* въ славяно-русскіе стихи. Указаніе же на классическіе образцы лирики, подражаніе имъ и переводы на русскій языкъ не могли не сообщить школьной лирикѣ свѣтскаго колорита ²⁾. Въ этомъ отношеніи небезынтересно стихотвореніе самого *Θ. Прокоповича* подъ заглавіемъ „Плачетъ пастушокъ о долгомъ несчастіи“, такъ какъ оно развиваетъ мысль послѣдняго изъ приведенныхъ элегическихъ отрывковъ о надеждѣ въ будущемъ на лучшія времена и въ этомъ отношеніи представляетъ переходную ступень отъ элегій XVIII вѣка къ позднѣйшимъ свѣтскимъ лирическимъ произведеніямъ. Здѣсь говорится:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды,—о многобѣдно
Мое счастье!

---

¹⁾ „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, 1901 г., кн. 2, стр. 71—82.

²⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“..., Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, январь, 1867 г., стр. 100—1.

Хотя жь малую явить отраду
И поманить
И будто нѣчто польготить стаду,
Да обманеть.
Дрожу подъ дубомъ, съ крайнимъ голодомъ
Овцы тають
И уже весма мокротнымъ хладомъ
Исчезають.
Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
Нѣтъ отмѣны;
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ
И кручины.
Потщися, Боже, насъ свободити
Отъ печали!
Наши насъ дѣды къ тебѣ вопити
Научали.

Но тогда какъ эти „дѣды“, т. е. предшественники
Θ. Прокоповича, „вопіяли“ къ Богу о житейской нуждѣ и
молились объ избавленіи отъ нея, Θ. Прокоповичъ груститъ
въ ожиданіи красныхъ дней для представителей науки и
образованности въ Россіи, осиротѣвшей послѣ смерти Петра
Великаго ¹⁾.

Другой изъ представителей возрожденія классицизма
въ Южной Россіи извѣстный философъ Григорій Савичъ
Сковорода писалъ также и вирши, и при томъ иногда вир-
ши энергическаго характера. Его стихотворенія пользовались
въ Малороссіи большою популярностію, а особенно двѣ
его пѣсни „Всякому городу нравъ и права“ и „Ахъ ушли
мои лѣта якъ вихрь съ круга свѣта“. И хоть онѣ написаны
были книжнымъ южнорусскимъ языкомъ, но, попавъ въ
народное обращеніе, приняли съ теченіемъ времени силь-
ную малорусскую окраску, доселѣ расцвѣтаются въ Мало-
россіи „старцами“, т. е. нищими, и первая изъ нихъ вошла

---

¹⁾ „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н.
Перетца, т. I. С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 244—6

даже въ собраніе галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ признанія самихъ собирателей, что эта пѣсня сочинена Сковородою ¹⁾.

Но ни у Ѳ. Прокоповича, ни у Гр. С. Сковороды, какъ людей, отрѣшенныхъ отъ семейной жизни и тревожныхъ любви, нѣтъ даже и зародыша любовной пѣсни, не смотря на то, что эти образованные люди знакомы были съ классическими образцами любовной лирики. Напротивъ, у Ѳ. Прокоповича есть даже предостереженіе юношѣ вслѣдствіе безречья общенія съ женщинами:

Конверсаций женъ прилежно блюдися

И разговоръ съ ними бѣгай, бережися.

Да не смотриши на ня, буди востанливѣйшій!

Течетъ оттуда въ душу эхидны ядъ злѣйшій,

И до сердца проходя разлитый во члены,

Всю красоту душъ губить тотъ пламень геенны.

Иль кратка, иль ниединая рѣчь тѣ съ ними буди,

Во и тутъ Плутоновы поджоги жгутъ уди ²⁾.

Но представители свѣтскаго юношества, получившіе школьное образованіе, не боялись упиваться этимъ ядомъ любви и даже воспѣвали его въ своихъ любовныхъ пѣсняхъ. Изъ такихъ лицъ мы укажемъ на казаковъ Климовскаго и Захарію Дзюбаревича.

Украинскій казакъ Климовскій въ началѣ XVIII вѣка написалъ извѣстную малорусскую пѣсню „Іхавъ козакъ за Дунай“, и доселѣ распѣваемую въ Малороссіи ³⁾.

Между 1722—1730 годами казакъ Гадяцкаго полка Захарія Дзюбаревичъ составилъ Сборникъ пѣсенъ, между

¹⁾ Тамъ же, стр. 237—8; мои „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка“. Кіевъ, 1880 г., стр. 19.

²⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Киевской Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Киевской Дух. Академіи“, январь, 1867 г., стр. 103.

³⁾ „Старосвѣтскій Бандуриста“, Н. В. Закревскаго, 1860 г., стр. 31—2.

которыми есть нѣсколько пѣсенъ и его личнаго творчества. Это—пѣсни о разлукѣ съ милой и о жизни его на чужбинѣ. Въ одной пѣснѣ авторъ говоритъ:

...Дивчинонько мое сердце...
 ...Тяжко, нудно мнѣ безъ тебе...
 ...Исти пити не озмуся
 Слезоньками обилиюся.
 ...Любивъ—кохавъ я тебе...
 А теперъ я отхожу
 И въ дорогу прохожу...
 Лице свое смутное отираю,
 А плачучи промовляю
 И самъ себе проклиная, и проч.

На чужбинѣ авторъ стосковался по своей родинѣ, по отцу—матери, по роднымъ братьямъ:

И они тежъ не знаютъ,
 Якъ я бидный погибаю;
 Ни о себѣ знати не дають,
 Чи всѣ живи перебувають.

Всѣхъ ихъ онъ оставилъ въ живыхъ, а теперь слышитъ—они преставились. И эта мысль не даетъ ему покоя:

А чужина не всѣмъ сладка,
 Лечъ мнѣ бѣдну барзе горка:
 Лучше бъ ей не знати,
 Нежели теперь погибати.

На чужбину эту авторъ, по всей вѣроятности, отправился въ Дербентскій походъ 1722 года, о которомъ въ его сборникѣ записана особая псалма¹⁾.

Къ половинѣ XVIII вѣка любовныя пѣсни получили на югѣ Россіи широкое распространеніе, воспринявъ въ себя и грубый, чувственный, плотской элементъ, и потребовали особаго, спеціальнаго обличенія. Въ своей трагедокомедіи о тщетѣ міра сего, составленной въ Киевской Академіи около

¹⁾ „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I. С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 217—222.

1742 года, авторъ ея іеромонахъ Варлаамъ Лашевскій говорить слѣдующее:

Видѣть безъ слезъ неможно, что глаголы жизни
 Нынѣшній вѣкъ приведе въ конецъ укоризны!
 Елико кощунствуютъ кощуны безстыдны,
 Гдѣ канты слагають, гдѣ комплементы блудны,
 Матерія съ писаній кощунамъ готова,
 Въ кантахъ студныхъ начало отъ Вожіяго слова ¹⁾.

Что любовнымъ, иногда даже и срамнымъ, неприличнымъ пѣсни получили въ XVIII вѣкѣ широкое распространеніе не только на югѣ, но и на сѣверѣ Россіи, это въ настоящее время не требуетъ особыхъ доказательствъ. Мы имѣемъ ихъ множество какъ въ южнорусскихъ, такъ и въ сѣвернорусскихъ записяхъ ихъ XVIII и XIX столѣтій. Такъ на примѣръ, въ одномъ сборникѣ „Пѣсенъ набожныхъ“ 1718—1727 гг., составленномъ въ школѣ Леонтіемъ Родичемъ Ягелницкимъ и Павломъ Гриневичемъ, записано 83 пѣсни, изъ коихъ 23—свѣтскія пѣсни, большею частію любовнаго и вольнаго содержанія, преимущественно заимствованныя у поляковъ ²⁾. Значительное число подобныхъ любовныхъ пѣсенъ попало даже въ позднѣйшіе сборники малорусскихъ народныхъ пѣсень, каковы, напр., „Вжиянокъ рідного поля“ Н. Гатцука, 1857 г., „Старосвѣтскій Бандуриста“ Н. В. Закревскаго, 1860 г., „Сборникъ Малорусскихъ любовныхъ пѣсенъ“ Лавренка, 1864 г., и др. Школьное происхожденіе ихъ узнается по относительной правильности силлабическаго стихосложенія, по опредѣленному количеству слоговъ въ каждомъ стихѣ, по рѣмѣ, цезурѣ и т. п. ³⁾.

Изъ Малороссіи подобныя любовныя пѣсни очень рано перешли съ одной стороны въ нынѣшнюю Галицію, Угор-

¹⁾ Тамъ же, стр. 264—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 212—5.

³⁾ „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, Н. Петрова. Кіевъ, 1880 г., стр. 20—1.

скую Русь и Буковину, гдѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка занесены въ сборники народныхъ пѣсенъ Е. В. Головацкимъ, Г. Купчанко и А. Лоначевскимъ, а съ другой—въ сѣверную Россію, и произвели здѣсь довольно раннія подражанія и передѣлки. Въ половинѣ прошлаго столѣтія между костромскими семинаристами въ ходу были пѣсни малорусскаго происхожденія, попадающіяся и въ Буковинѣ, какъ напр. пѣсни: „Ай во полѣ, полѣ стояла береза“, „Ой за гаємъ—гаємъ, гаємъ зелененькимъ“, „Ой полола горлиця лебеду—лебеду“, „Звелѣла мнѣ мати зеленъ ячмень жати“ и др. Эти и подобныя пѣсни могли проникнуть на сѣверъ Россіи или непосредственно чрезъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, переселявшихся на сѣверъ Россіи не только на учительскія должности, но иногда и въ качествѣ учениковъ (наприм., въ Московскую Академію), или же чрезъ посредство рукописныхъ и печатныхъ пѣсенниковъ, напр. Чулкова, Новикова и др., въ которые нерѣдко заносились и малорусскія пѣсни ¹⁾).

Но, переселяясь на сѣверъ Россіи и оказывая здѣсь извѣстное вліяніе, малорусская любовная пѣсня съ теченіемъ времени и сама стала подчиняться сѣвернорусской лирикѣ, послѣ того, какъ эта послѣдняя стала принимать болѣе или менѣе художественныя формы. Извѣстны южно-русскія школьныя вирши священника Гр. Лютенскаго (т. е. села Лютенки), записанныя имъ въ 1760-хъ годахъ. Въ числѣ ихъ есть пѣсенка:

Не прельщай меня, драгая,

И не кажись моимъ глазамъ, и проч.

Пѣсенка эта сдѣлалась ходячею въ извѣстныхъ кругахъ малорусскаго Общества и въ „Москалѣ Чарівникѣ“

---

¹⁾ О сборникахъ пѣсенъ см. „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“. В. Н. Перетца, т. I, стр. 292 и сл.

И. П. Котляревскаго влагается въ уста повеласа Финтика¹⁾. А между тѣмъ оказывается, что эта пѣсня принадлежитъ Сумарокову и только искажена малороссами до неузнаваемости²⁾.

Послѣдній изъ намѣченныхъ нами видовъ школьной лирики есть ода, подъ которою разумѣлись привѣтственные стихи на разные праздники и торжества, съ обращеніемъ къ слушателямъ³⁾. Таковы особенно поздравительные стихи на Пасху и Рождество, замѣнявшіе собою прежнія „колядныя“ и „вопочебныя“ пѣсни или принаравливавшіеся къ нимъ. Эти стихи получили литературную форму и отдѣлку не безъ вліянія латинопольскихъ образцовъ. Въ одномъ изъ старѣйшихъ стиховъ на Пасху, въ записи 1604 года, мы читаемъ слѣдующее:

Нынѣ веселый намъ день насталь,
Ижъ Христось есть отъ мертвыхъ всталь.
Веселимся, христіанстія людіе,
Пжъ намъ пришло избавленіе,
Вызнаваемо ѡтворителя,
Пеклу побидителя.
Стеръ врата пекелныя,
А насъ просвѣтилъ темныя
Отець нашъ свободитель,
А насъ грѣшныхъ откупитель, и проч.

Но это русское стихотвореніе представляетъ значительное сходство съ современными ему польскими стихотвореніями, которыя даже и начинаются такими же словами:

¹⁾ „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“. Н. Петрова. Кіевъ, 1880 г., стр. 20.

²⁾ „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1903 г. кн. I, стр. 98—103.

³⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіев. Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, январь, 1867 г., стр. 90—1.

Wesoly nam dzień nastał¹⁾. Развиваясь далѣе на южнорусской почвѣ, подобныя поздравительныя вирши или оды получаютъ съ 40-хъ годовъ XVIII вѣка особенный простонародный юмористическій тонъ и колоритъ, изображая священные предметы и событія подъ угломъ зрѣнія малорусскаго простолюдина, въ его бытовой обстановкѣ и его же собственнымъ простонароднымъ языкомъ. Изъ такихъ виршъ укажемъ на болѣе характерныя, каковы напр., „Вирша, говоренная запорожцами на свѣтлый Воскресенія Христова праздникъ“ (нач.: „Христось воскресъ, радъ міръ увесъ, дождали Божой ласки“²⁾); 2) „Вирша на Велькѣ-день“ (нач.: „Кажуть, буцимъ моподици-негодяйки, ледащыци“); 3) Рождественская вирша (нач.: „Христось родивсь, міръ взвеселивсь“³⁾) и 4) „Рождественская же вирша“ (нач.: „Христось народывсь, щобъ мырь звеселивсь“⁴⁾). Всѣ онѣ писаны болѣе или менѣе правильными силлабическими стихами и тѣмъ обнаруживаютъ свое школьное происхожденіе. Но, что особенно для насъ важно, въ составленіи такихъ виршъ принимали видное и, можетъ быть, главное и первенствующее участіе воспитанники Кіевской Академіи. Особенно это нужно сказать о „виршѣ, говореной гетману Запорожцами на свѣтлый Воскресенія Христова праздникъ“.

---

1) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I, стр. 86—92.

2) Сводный текстъ ея, въ основу котораго положенъ списокъ Н. В. Гоголя, изданъ въ „Кіевской Старинѣ“ за апрѣль 1882 г., а варианты ея—тамъ же, за сентябрь 1882 г., и въ 7 № „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1877 г., стр. 206—8. Доселѣ неиздана старѣйшая Запись ея 1795 года, о которой см. „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, П. Петрова, т. II. Москва, 1897 г., № 78, стр. 35.

3) „Кіев. Старина“, декабрь, 1882 г., стр. 624—6.

4) Обѣ послѣднія вирши изданы въ „Кіевской Старинѣ“, январь—мартъ, 1888 г., стр. 271—282.

Общее содержаніе вирши—слѣдующее. Въ началѣ вирши авторъ описываетъ розговѣнье и пасхальное веселіе православнаго народа и затѣмъ разъясняетъ причины этого веселія, заключающіяся въ побѣдѣ воскресшаго Спасителя надъ Сатаной, Адомъ и Смертію, въ обращенія ихъ въ постыдное бѣгство и въ освобожденіи праведниковъ изъ Ада. Въ числѣ праведниковъ находятся и олицетворяемые народною фантазіею дни недѣли св. Пятница и Понедѣльникъ. Освобождаемые изъ Ада ветхозавѣтные праведники радостно бѣгутъ изъ него, куда попало, напрягая послѣднія свои силы, истощенныя адскими мученіями, и оставляя за собою слѣды разрушенія своихъ прежнихъ адскихъ жилищъ. Вирша заканчивается такими словами:

Адаме, грай! отпертый рай, иди посѣщайся!

Райскимъ плодомъ зо всемъ родомъ радъ будь, утѣшайся!

Веди всѣхъ урядъ у райскій садъ яблоукъ збирати!

Ужъ отъ древа уже Ева не буде вмирати.

Для полнаго представленія о содержаніи этой вирши, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ старѣйшей записи ся 1795 года о послѣдней судьбѣ Іуды Предателя, доселѣ неизданный и какъ бы цѣлкомъ выхваченный изъ западныхъ легендъ о вѣчномъ жидѣ.

А сей Юда с того зъюродився якъ макуха,

То синѣ, то краснѣ, бо бере сокруха.

Вельми сей злякъ, я мѣхъ залякъ зъ грошима за плечима.

За его грѣхъ той клятій мѣхъ усе передъ очима:

Въ землю вкопавъ, щобъ михъ пропавъ,—та окаменѣла:

Посѣхъ тамъ цвѣтъ, и травы нѣтъ,—болышъ не зеленѣла;

Въ водѣ рыбу михъ изъ глибу роспужавъ и раки;

Вырнувъ злій духъ изъ воды сухъ, до Юди и паки:

Злюю мару пѣкъ у жару,—такъ не загорѣвся;

Мѣцно пошитъ, чортомъ подбитъ, що й не розидрався;

Зъ огню с печи опять на плечи берется на Юду,

Из тѣмъ мѣшкомъ ходитъ пѣшкомъ у пеклѣ повсюду.

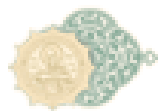
Такъ Бѣгъ повелѣвъ, щобъ мѣхъ не тлѣвъ до страшного суду¹⁾.

¹⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Киевѣ“, Н. Петрова, вып. II. Москва, 1897 г., № 78, стр. 35.

О происхожденіи этихъ виршей мы имѣемъ драгоценное свидѣтельство бывшаго воспитанника Кіевской Академіи Аонасія Кирилловича Лобысевича, который въ 1794 году письмомъ просилъ преосвященнаго Георгія Конисскаго выслать ему, для изданія въ свѣтъ, интерлюдіи къ его трагедокомедіи „о воскресеніи мертвыхъ“ 1746 года, писанныя или самимъ Георгіемъ Конисскимъ, „или славнымъ Танскимъ, природнымъ стихотворцемъ во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ... Я помню нѣкоторые стихи,—ишетъ Лобысевичъ,—описаніе Великодня, бѣгство сатаны и смерти, смерть Іуды: прекрасныя описанія“¹⁾. Но интерлюдіи къ пьесѣ Г. Конисскаго „о воскресеніи мертвыхъ“ теперь уже извѣстны,—и въ нихъ нѣтъ ничего подобнаго ни описанію Великодня, ни бѣгству сатаны и смерти, ни смерти Іуды²⁾; а между тѣмъ всѣ эти подробности находятся въ интересующей насъ насхальной виршѣ, которую, очевидно, Ае. Кир. Лобысевичъ и смѣшалъ съ интерлюдіями къ пьесѣ Г. Конисскаго „о воскресеніи мертвыхъ“. Да и самъ Лобысевичъ въ письмѣ къ Г. Конисскому имѣетъ въ виду не сценическое представленіе событій, а только ихъ „описаніе“, которое опять-таки соотвѣтствуетъ описательному характеру данной вирши. Это смѣшеніе вирши съ интерлюдіями важно для насъ въ томъ отношеніи, что можетъ свидѣтельствовать о внутренней, можетъ быть генетической связи вирши съ интерлюдіями вообще: она есть не что иное, какъ примѣненіе правилъ и приѣмовъ комическихъ интерлюдій къ праздничнымъ поздравленіямъ, и можетъ быть названа драматизированною виршею.

¹⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I. ч. 1. Кіевъ, 1904 г., стр. 385 и сл., и ч. 2, стр. 431.

²⁾ Изд. въ „Древней и новой Россіи“, за ноябрь, 1878 г.

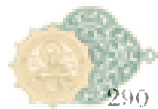
Кѣмъ сочинена эта вирша, Г. Конисскимъ, или Танскимъ,—въ существѣ дѣла для насъ безразлично: во всякомъ случаѣ, она вышла изъ Киевской Академіи. Но если принять во вниманіе, что въ виршѣ есть непристойности, неприличныя духовному сану Г. Конисскаго; то слѣдуетъ предположить, что пьеса сочинена Танскимъ, „природнымъ стихотворцемъ, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ“. Вѣроятно, онъ принадлежалъ къ роду тѣхъ Танскихъ, изъ котораго происходила прабабушка нашего великаго писателя Н. В. Гоголя, жена Семена Лизогуба ¹⁾.

Впрочемъ, если насмѣшливая вирша и сочинена Танскимъ, то не безъ сильнаго вліянія Г. Конисскаго на техническую обработку или форму ея. Вирша написана двойными леонинскими стихами, въ которыхъ, по правиламъ піитики Г. Конисскаго, каждый стихъ, римуясь съ сосѣднимъ стихомъ, раздѣлялся на два полустішія, а первое полустішіе, въ свою очередь, дѣлилось цезурою на двѣ части, оканчивающіяся одинаковою римою. Таковы стихи самого Г. Конисскаго въ его піитикѣ 1745—6 года на тему „Чистое сердце есть сѣдалище Св. Духа“:

Чиста птица Голубица Таковъ нравъ имѣеть:
Буде мѣсто Гдѣ нечисто, Тамо не почіеть,
Но гдѣ травы И дубравы И сѣнь есть отъ зноя,
То прилично, То обычно Мѣсто ей покоя, и проч.

Здѣсь въ каждомъ стихѣ помѣщено по три рѣмы, требовавшія по крайней мѣрѣ по шести созвучныхъ словъ, расположенныхъ на опредѣленномъ мѣстѣ и приближающихъ силлабическій леонинскій стихъ къ тоническому стиху. Разрабатывая этотъ леонинскій стихъ, Г. Конисскій, по видимому, хотѣлъ объяснить имъ происхожденіе и тоническаго стиха Ломоносова или, по крайней мѣрѣ, найти

¹⁾ „Изъ семейной хроники Гоголей“, подъ редакціей В. А. Чаговца. Кіевъ, 1909 г., стр. 36 и 69.

точки соприкосновенія между прежнимъ спланическимъ и новымъ тоническимъ русскимъ стихосложеніемъ ¹⁾). Вотъ этимъ-то двойнымъ леонинскимъ стихомъ и написана пасхальная вирша Танскаго.

Такъ какъ особенное развитіе леонинскаго стиха составляетъ характеристическую особенность теоріи стихотворства въ цѣнтикѣ Г. Конисскаго; то, слѣдовательно, написанная такими стихами пасхальная вирша не могла быть составлена раньше 1745—6 года; но она уже извѣстна была А. К. Лобысевичу, поступившему въ студенты Кіевской Академіи около 1747 года ²⁾). Впослѣдствіи она могла быть произнесена запорожцами передъ гетманомъ К. Г. Разумовскимъ, а, можетъ быть, и предъ нареченнымъ гетманомъ запорожскимъ Гр. Ал. Потемкинымъ, какъ гласить о томъ старинное преданіе ³⁾).

Вольное подражаніе пасхальной виршѣ Танскаго, по нашему мнѣнію, представляетъ „Вирша на Велькъ-день“, начинающаяся словами: „кажуть, буцимъ молодыця—негодяйки, ледящыцы“. Въ этой виршѣ разсказывается, что Маріи (Магдалина), отправившись среди ночи на Голгофу ко гробу Христову, встрѣчаетъ тамъ самого Христа и получаетъ отъ Него радостную вѣсть о воскресеніи Его. Затѣмъ идетъ разсказъ о томъ, какъ Христосъ сошелъ во адъ и, побѣдивъ смерть и сатану, освободилъ оттуда ветхозавѣтныхъ праведниковъ, и какъ они, истомленные адскими муками, поспѣшно убѣгали изъ ада:

---

¹⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, іюль, 1866 г., стр. 327—9.

²⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, ч. 2, стр. 431.

³⁾ См. „Кіевскую Старину“, апрѣль и сентябрь, 1882 года.

И дали воны изъ пекла драга,
Ева на вси жылы брала,
А Адамъ ажъ употивъ,
Попередъ усиѣхъ летивъ.

Въ заключеніи вирши дѣлается обращеніе къ какому-то архіерею, передъ которымъ она была сказана. Записана была эта вирша въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по видимому въ Кіевѣ¹⁾; но варианты ея встрѣчаются и въ бѣлорусской редакціи²⁾.

Школьнымъ же происхожденіемъ и характеромъ отзываются и нѣкоторыя рождественскія вирши, написанныя совершенно въ духѣ пасхальной вирши Танскаго и даже тѣми же леонинскими стихами. Въ одной изъ этихъ рождественскихъ виршъ, записанной С. И. Пономаревымъ неизвѣстно гдѣ, сначала описывается веселое празднованіе православнымъ міромъ рождественскихъ праздниковъ. При видѣ этого веселья,—

Старенькій Бігъ На стілѣ излігъ И самъ собі дума:
„Праздникъ душамъ, Тільки Адамъ изъ Евою рюма“.

Сжалившись надъ ними, онъ посылаетъ Адаму съ архангеломъ Гавріиломъ письмо, извѣщая его о рожденіи Христа, который истребитъ Ада, побѣдитъ Діавола и Смерть и освободитъ праотцевъ отъ адскихъ мученій. Получивъ это письмо, Адамъ повеселѣлъ и сообщилъ радостную вѣсть и своимъ потомкамъ, томившимся съ нимъ въ аду. Всѣ они загудѣли, какъ пчелы лѣтомъ, и выражали свою радость различными способами, обычными въ такихъ случаяхъ въ деревенскомъ быту, тогда какъ Діаволъ и Смерть сильно

1) „Кіевская Старина“, январь—мартъ, 1888 г., стр. 279—282.

2) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I, стр. 274—5.

смутились и притихли на время. Вирша заканчивается такими словами:

Нашъ Богъ Христосъ Чортівъ, якъ ось, Подавить ногою,
Зъ твоихъ кістокъ, Смерте, трісокъ Наробить и гною,
Всіхъ васъ у прахъ Потре и шляхъ Намъ зробить до раю.
Симъ я Христомъ, Паны, зъ різдвомъ Васъ поздравляю ¹⁾.

Другая рождественская вирша, сводный текстъ которой изданъ В. Науменко, рассказываетъ о событіяхъ Рождества Христова въ порядкѣ евангельскихъ повѣствованій о рожденіи Спасителя, а именно о самомъ рожденіи, о поклоненіи пастырей и волхвовъ и объ избіеніи Вилеемскихъ младенцевъ, но съ особенною подробностію останавливается на описаніи предсмертной болѣзни Ирода и приключеній его въ аду, пользуясь для этого красками пасхальной вирши Танскаго. Эта рождественская вирша несомнѣнно искажена исполнителями или записчиками ея; но и въ настоящемъ ея видѣ мѣстами сохранилась въ ней первоначальная конструкция того леонинскаго силлабическаго стиха, какой мы видѣли въ пасхальной виршѣ Танскаго. Такъ наприм., въ отрывкѣ о пастыряхъ говорится:

Пастухи изъ степу Прыбиглы къ вертепу, Да и по
ягнятку принесли;
На дудкы гралы, Якоя знали, Тай знову до стада
пишли ²⁾.

Заканчивая этимъ рѣчь свою о Кіевской школьной лиричѣ, мы обратимся теперь къ Кіевской школьной драмѣ, которая составитъ центральный пунктъ нашего труда и будетъ нами рассмотрѣна съ особенною подробностію *).

Н. Петровъ.

¹⁾ „Кіевская Старина“, декабрь, 1882 г., стр. 624—6.

²⁾ Тамъ же, январь—мартъ, 1888 г., стр. 275—8. Такими же леонинскими виршами написано и стихотвореніе «Вакула Чмирь», напечатанное при грамматикѣ малорусскаго языка Павловскаго, 1817 года.

*) Продолженіе слѣдуетъ.